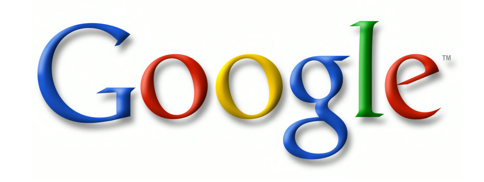

Д. И. Сапожниковъ.

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ РУКОПИСИ А. С. ПУШКИНА.

СИМБИРСКЪ.
Губернская Типографія.
1899.

Sapozhnikov, D. I.

69121c

Д. И. Сапожниковъ.

Дуковъ-
12/XII 1902

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ РУКОПИСИ А. С. ПУШКИНА.

СИМБИРСКЪ.
Губернская Типографія.
1899.

Дозволено цензурою Г. Москва. Марта 17 дня 18[illegible]9 года

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ РУКОПИСИ
А. С. ПУШКИНА.

Въ іюлѣ 1897 года, пишущій эти строки, вмѣстѣ съ другими членами Симбирской Архивной Коммиссіи, посѣтилъ усадьбу П. В. Анненкова, при с. Чириковѣ, Симбирскаго уѣзда, въ 55 верстахъ отъ г. Симбирска. Въ настоящее время это имѣніе принадлежитъ вдовѣ покойнаго, Глафирѣ Александровнѣ Анненковой, проживающей постоянно внѣ предѣловъ Россіи (у дочери, вышедшей замужъ за полковника германской арміи). Усадьба Анненкова окружена большимъ тѣнистымъ запущеннымъ садомъ, гдѣ находится двухъ-этажная бесѣдка, въ которой, по мѣстному преданію, жилъ Гоголь, когда онъ гостилъ въ Чириковѣ у Анненкова. Въ саду же есть полянка, на которой поставлена деревянная пирамидальная часовня, съ рѣзнымъ изображеніемъ изъ дерева Христа въ темницѣ во весь ростъ. Часовня эта поставлена на мѣстѣ прежней Знаменской церкви, гдѣ и находилось это изображеніе. Въ полутора верстахъ отъ с. Чирикова расположена прекрасная дубовая роща, а въ ней довольно большая и высокая насыпь, называемая „Марьинъ бугоръ“; и самая роща называется „Марьина,“ потому что въ прошломъ столѣтіи въ этой рощѣ, близь бугра, была убита двумя своими крѣпостными людьми мѣстная помѣщица Марья Михайловна Анненкова, прабабка Павла Васильевича; въ память ея недалеко отъ бугра была поставлена въ рощѣ небольшая часовенка, которая теперь почти уже развалилась.

Марьинъ бугоръ имѣетъ происхожденіе историческое и можно полагать что этотъ бугоръ представляетъ собою остатки прежней „киремети“ въ священной рощѣ Чувашъ-идолопоклонниковъ; недалеко отъ этой мѣстности и до настоящаго времени существуютъ чувашскія селенія, Верхнія, Среднія

и Нижнія Тимерсяны, а по народному преданію вся нынѣшняя Тимерсянская волость и большая часть Ново-Никулинской волости составляли, лѣтъ 500 тому назадъ, особое царство Чувашскаго князя Кучума; его столица была въ городкѣ, остатки котораго и понынѣ сохранились близъ деревни Герасимовки, Ново-Никулинской волости. Марьинъ бугоръ окруженъ дубами, посаженными Анненковымъ и Гоголемъ, который очень любилъ эту рощу, въ предсмертномъ письмѣ къ Анненкову напоминалъ о ней и просилъ ея не рубить.

Въ старомъ, опустѣвшемъ барскомъ домѣ до сихъ поръ сохранилась довольно большая библіотека, и въ ней имѣется копія со слѣдственнаго дѣла Симбирской Провинціальной Канцеляріи объ убійствѣ М. М. Анненковой. Кабинетъ покойнаго переполненъ періодическими изданіями за прежніе годы, размѣщенными по полкамъ. Здѣсь можно найти полные экземпляры „Современника,“ „Отечественныхъ Записокъ,“ „Русской Бесѣды“ и др. прежнихъ журналовъ за всѣ годы ихъ существованія, а также „Русскаго Вѣстника,“ съ приложеніями, „Вѣстника Европы“ и др. Въ кабинетѣ же хранится прекрасный бюстъ Бѣлинскаго, его посмертная маска и маска Пушкина. Въ письменномъ столѣ, среди разныхъ рукописныхъ документовъ, относящихся преимущественно къ первымъ годамъ существованія села Чирикова (XVII и XVIII столѣтіямъ), было найдено рѣдкое и дорогое изданіе „Россійскій Гербовникъ“ въ 4 томахъ. Въ сосѣдней комнатѣ помѣщаются три книжныхъ шкафа, одинъ друго интереснѣе: въ первомъ масса произведеній различныхъ авторовъ, исключительно историческаго содержанія; тутъ же на нижнихъ полкахъ, въ два ряда, собраны полныя собранія сочиненій русскихъ классиковъ; въ этомъ шкафу хранится и первое Анненковское изданіе полнаго собранія сочиненій Пушкина, въ дорогомъ переплетѣ, съ золоченнымъ обрѣзомъ. Во второмъ шкафу помѣщаются разныя серьезныя произведенія иностранныхъ авторовъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, касающіяся исторіи Россіи, начиная съ Екатерины Первой, а также и по исторіи Французской революціи. Третій шкафъ, хотя и небольшихъ размѣровъ, но представляетъ большой интересъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ Русскія заграничныя изданія. Въ столовой комнатѣ находится нѣсколько большихъ шкафовъ, переполненныхъ всевозможными французскими иллюстрированными изданіями, исключительно порнографическаго содержанія. Кромѣ того, въ отдѣльномъ сараѣ, на дворѣ, сложены въ кучу различныя изданія, пре-

мущественно прошлаго столѣтія, а также старинные журналы, календари и томы Свода Законовъ, изъ которыхъ управляющій имѣніемъ Анненкова пожертвовалъ, съ разрѣшенія собственницы, въ библіотеку Симбирской Ученой Архивной Комиссіи вмѣстѣ съ портретомъ Павла Васильевича Анненкова, болѣе пятидесяти экземпляровъ разныхъ книгъ.

Здѣсь-то, въ сараѣ, среди заплеснѣвѣлыхъ и отчасти даже полусгнившихъ книгъ, я нашелъ рукописи А. С. Пушкина. Это семь блѣдно-синихъ, толстыхъ листковъ бумаги, въ четвертку каждый, съ отрывками изъ записокъ поэта во время пребыванія его въ Лицеѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не позднѣе, какъ 1815 года. Отрывки эти сохранились совершенно случайно, такъ какъ въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ предалъ сожженію всѣ свои лицейскія записки. Кромѣ этихъ рукописей, найдено еще нѣсколько другихъ записокъ за другіе годы.

Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій поэта первою, по времени, автографическою запискою считается планъ его автографіи. Но планъ этотъ составленъ не въ первыхъ годахъ пребыванія его въ Лицеѣ, а гораздо позднѣе; въ началѣ этой записки онъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ, а въ концѣ касается 1815 года, упоминая о своемъ тщеславіи*); замѣтить же за собою такіе недостатки, одновременно съ проявленіями ихъ, онъ конечно, не могъ; поэтому мы полагаемъ, что такой проектъ предполагаемаго разсказа о самомъ себѣ набросанъ Пушкинымъ уже въ пору его извѣстности на поприщѣ литературы, когда мышленіе убѣжденія и самосознаніе достигли зрѣлости.

Найденныя нами записки Пушкина начинаются съ отрывка изъ разсказа о докладѣ адъютанта Давыдова генералу Багратіону и кончаются критической замѣткой о литературной дѣятельности комика князя Шаховскаго.

Кромѣ того найдены рукописи: „Замѣчанія на Анналы Тацита,“ элегія „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“ и „Замѣтка о холерѣ.“

Рукописи эти, въ числѣ другихъ, хранились у самого поэта до дня его смерти**). Какъ извѣстно, 28 Января 1837 г., когда Пушкинъ ле-

*) Соч. А. С. Пушкина, изд.-общ. для пособ. нужд. лит. и учен., т. V. стр. 1: „Отрывки изъ Лицейскихъ записокъ.“ Всѣ ссылки сдѣланы у насъ на это изданіе.

**) Всѣ произведенія поэта, впервыя появившіяся въ печати послѣ смерти его хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ С.-Петербургѣ, а рукописи, тоже оставшіяся послѣ смерти Пушкина и вошедшія въ опись вмѣстѣ съ его имуществомъ, пожертвованы старшимъ сыномъ поэта А. А. Пушкинымъ въ Московскій Румянцовскій Музей въ 1880 году, во время открытія памятника Пушкину въ Москвѣ. въ Румянцовскомъ же Музеѣ хранятся теперь и рукописи, найденныя мною, каковыя А. А. Пушкинымъ пожертвованы этому музею.

жалъ на смертномъ одрѣ и приближалась роковая минута, Императоръ Николай Павловичъ призвалъ къ себѣ Жуковскаго и сказалъ: „Тебѣ поручаю, если онъ умретъ, запечатать его бумаги; ты тамъ ихъ самъ разберешь.“ Приказаніе Государя было исполнено чрезъ $^3/_4$ часа по кончинѣ Пушкина. Жуковскій приложилъ печати къ дверямъ кабинета покойнаго. Но этого оказалось недостаточнымъ; всѣ рукописи Пушкина прошнурованы были, съ пропусками, по листамъ полуграмотнымъ писцомъ, по порученію опекуновъ, черными цифрами наверху листовъ и жандармскою властію красными цифрами посреди листовъ*). Такъ помѣчены и найденныя нами рукописи. Всѣ бумаги Пушкина, вошедшія въ опись, перебывали въ рукахъ многихъ лицъ; попали они и къ Анненкову, у котораго пролежали подъ спудомъ нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ, по изданіи сочиненій Пушкина, были возвращены имъ по принадлежности; только часть ихъ, именно найденныя нами, почему-то остались у Анненкова.

При сличеніи ихъ съ изданіями сочиненій Пушкина, мы нашли въ послѣднихъ пропуски не только цѣлыхъ строкъ, но даже страницъ. Начало этихъ ошибокъ пошло отъ П. В. Анненкова. Послѣдующіе же издатели, не имѣя въ рукахъ оригинала, перепечатывали то, что было помѣщено изъ этихъ записокъ Анненковымъ. Притомъ въ печати эти отрывки помечѣны**) и расположены не въ должномъ порядкѣ Всѣ неточности и пробѣлы укажемъ въ ссылкахъ.

Мы будемъ придерживаться правописанія поэта, отличавшагося по этой части самобытностію, что замѣтно при сличеніи изданныхъ сочиненій Пушкина съ газетами, журналами и альманахами, куда онъ посылалъ свои произведенія, а также и съ его рукописями. Такія орѳографическія особенности заслуживаютъ вниманія, какъ образцы грамматическихъ колебаній нашего языка, имѣющія значеніе въ историческомъ развитіи нашей грамматики, до сихъ поръ не установившейся.

Да не будутъ поставлены мнѣ въ упрекъ нѣкоторые пробѣлы, такъ какъ всѣхъ книгъ, нужныхъ для справокъ о литературной дѣятельности Пушкина и о посмертной исторіи рукописей, у насъ въ Симбирскѣ не

*) Русская Старина 1884 г. № 2—12: „Рукописи А. С. Пушкина, хранящіяся въ Москв. Румянцевскомъ Музеѣ.“ Статья В. Е. Якушкина.

**) А именно: „8 ноября“ „10 декабря“ и „19“ (?), между тѣмъ слѣдуетъ читать: „28 ноября“, „29“ (ноября), „10 декабря“ и „17“ (декабря).

имѣется. Полукруглыя скобки ( ) обозначаютъ у меня слова и буквы зачеркнутыя Пушкинымъ, а скобки прямоугольныя [ ] обозначаютъ слоги и буквы недописанные или пропущенные имъ, если же слова поставлены въ скобкахъ съ боковыми тире —( )—, то значитъ и онъ поставилъ ихъ въ скобки. Слова и строки напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, обозначаютъ, что онѣ были подчеркнуты Пушкинымъ; слова же и строки, не попавшія въ изданія сочиненій Пушкина, внесены въ статью мою шрифтомъ съ разбивкою или курсивомъ.

I.

На первомъ листѣ записокъ находимъ продолженіе анекдота, который былъ впослѣдствіи разсказанъ Пушкинымъ нѣсколько въ иномъ видѣ[1]).

.... Большой Грузинскій носъ, а партизанъ почти и[2]) вовсѣ былъ безъ носу. Д[3]) является къ Б-ену[4]). Князь Б... онъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу...

На *какомъ*[5]) носу Д. Б? отвѣчаетъ генералъ. Ежели на вашемъ, *такъ*[6]) онъ ужъ близко, если же на носу князя Б-она, то мы успѣемъ еще отобѣдать...

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія[7]).

Послѣднія строки свидѣтельствуютъ, что уже въ 1815 г. Жуковскій видѣлъ въ Пушкинѣ знаменитаго впослѣдствіе поэта и въ знакъ поощренія подарилъ изданіе ему своихъ стихотвореній. Кромѣ того извѣстно, что онъ, часто бывая въ Царскомъ Селѣ, освѣдомлялся объ успѣхахъ Пушкина въ Лицеѣ, отдавалъ ему для оцѣнки свои стихотворенія, а въ впослѣдствіе даже подарилъ портретъ съ надписью: „ученику отъ побѣжденнаго учителя." Самъ Карамзинъ, принимая у себя въ кабинетѣ Пушкина, прочитывалъ ему страницы своего труда и со вниманіемъ выслушивалъ сужденія молодого писателя.

---

1) Соч. А. С. Пушкина, V, 271.
2) Въ печати „и" нѣтъ.
3) Давыдовъ Денисъ Васильевичъ. Соч. Пушкина, V, 211 и 271.
4) Бенигсенъ и Багратіонъ. Тамъ же V, 2 и 271.
5) Въ печати „На чьемъ."
6) Въ печати „то онъ."
7) Тамъ же, V, 2.

Далѣе записка Пушкина, помѣченная 28 Ноября (а не 8-го), говоритъ о томъ, что извѣстнаго драматурга кн. Александра Александровича Шаховскаго увѣнчали „лавровымъ вѣнкомъ" А. С. Шишковъ, впослѣдствіе президентъ Россійской Академіи, и поэтесса Анна Петровна Бунина[1]), а ниже написана пьеса подъ названіемъ „Вѣнчанье Шутовскаго".

Вотъ какъ читается подлинникъ[2]):

28 Ноября.

Ш...овъ и г-жа Б...на увѣнчали недавно кн. Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ, на этотъ случай сочинили очень остроумную пьесу подъ названіемъ: *Вѣнчаніе Шутовскаго.*

—(*Гимнъ на голосъ:* de Buhamel) —

Вчера въ торжественномъ вѣнчаньи (собраньи)
Творца затѣй,
Мы зрѣли полное собранье
Бесѣды всей,
И всѣ въ одинъ кричали строй:
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала Герой!
Хвала Герой!

Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза Балладъ,
Въ бесѣдѣ добрый усыпитель,
Хлыстову братъ,
И врагъ талантовъ записной!
[Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!] Хвала и пр.].
Хвала Герой!
Хвала Герой!

Всей братьи далъ свои онъ шубы
И всѣ дрожатъ!
Его величіе, не трубы—
Свистки гласятъ
Онъ милъ и тѣломъ и душой!
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала Герой!
Хвала Герой!

---

[1]) А. П. Бунина (1774—1829 гг.), членъ „Бесѣды Любителей Россійской Словесности". Собраніе стихотвореній ея вышло въ С.-Петербургѣ, 1819—1821 гг., въ 3 ч.

[2]) 1, 2 и начало 3 листа найденной рукописи. Стихотвореніе „Гимнъ на голосъ: de Buhamel" въ печать не вошло, за исключеніемъ первыхъ 14 строкъ, которыя помѣщены у П. В. Анненкова. „А. С. Пушкинъ. Мат. для его біографіи" Спб. 1872. стр. 20.

И вотъ подъ сѣнью обвѣтшалой
Старикъ сѣдой!
Предъ нимъ вязанки прозы вялой,
Псалтырь въ десной,
Кругомъ поэтовъ блѣдной строй
Хвала, хвала тебѣ, старикъ сѣдой! (о Шутовской)
О дѣдъ сѣдой (bis)
Хвала Герой!
Хвала Греой!
*
И вдугъ раздался за дверями
И скрыпъ и вой—
Идутъ сотрудники съ гудками
И самъ Герой!
Поетъ онъ гимнъ вѣнчальный свой.
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала Герой!
Хвала Герой!
*
„Я князь, поэтъ, Директоръ, воинъ
Вездѣ великъ,
„Вѣнца лавроваго достоинъ
„Мой тучный ликъ.
„Вѣнчая пойте всей толпой:
„Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!,
Хвала Герой!
Хвала Герой!
„Писалъ я на друзей пасквили
„И на Отца,
„Поэмы, тощи водевили,
„Имъ нѣтъ конца.
„И воды я пишу водой
„Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской,
Тебѣ Герой!
Тебѣ Герой!
*
„Еврей мой написалъ Дебору,
„А я списалъ,
„Въ моихъ твореньяхъ много сору,
„Кто жъ ихъ читалъ.
„Доволенъ право я собой.
„Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской
„Хвала Герой!
Хвала Герой!
*
Потомъ къ Макару и Ежевой
Герой бѣжитъ.

Вотъ орденъ мой—вѣнокъ лавровый,
Пусть буду битъ.
За то увѣнчанъ красотой!
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской,
Хвала Герой!
Хвала Герой!"*)

Кромѣ сѣдого старца А. С. Шишкова (по предложенію котораго впослѣдствіе а именно 3 Декабря 1832 года, Пушкинъ былъ единогласно избранъ членомъ Россійской Академіи). тутъ осмѣиваются графъ Д. И. Хвостовъ, князь П. А. Шихматовъ (Ширинскій) и С. С. Бобровъ, создатели „твореній громкихъ, Рифматовъ, Графовъ и тяжелый Бибрусъ"[1]), Ежева-тогдашняя Петербургская актриса.

Анненковъ, признавая такую сатиру слабоватой, не помѣстилъ ея въ своихъ „Матеріалахъ", за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ. Она указываетъ на комедіи кн. Шаховскаго подъ названіями: „Новый Стернъ" и „Липецкія воды", бывшія пародіями на баллады Жуковскаго и сантиментальность Карамзина, упоминаетъ о комедіи „Шубы" и задѣваетъ вскользь еще другія произведенія. „Эпитетомъ же записного гонителя талантовъ" награжденъ здѣсь кн. Шаховской не только за указанныя нами его комедіи,

---

*) Подъ буквами NN напечатаны въ Сынѣ Отечества 1815 г. №№ 40 и 45 слѣдующія эпиграммы на князя Шаховскаго:

Эпиграмма.

Нашъ комикъ Шутовской хоть любитъ уязвить,
Но осторожности своей не измѣняетъ:
Умѣетъ онъ всегда сначала усыпить,
Да послѣ соннаго ужъ смѣло и ругаетъ.

N. N.

Отъ Аполлона:

На замѣчанье Фебъ даетъ,
Что отъ какихъ-то водъ
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ и дѣло забываетъ.
И потому онъ объявляетъ,
Что толки всѣ о *Липецкихъ водахъ*
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ и въ стихахъ)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью.

N. N.

[1]) Соч. А. С. Пушкина. Т. I. „Къ другу стихотворцу, „Бова."

но вѣроятно и за предполагаемое недоброжелательство его къ успѣхамъ извѣстнаго драматурга тѣхъ годовъ Владислава Александровича Озерова[1]). Такой взглядъ на Шаховскаго былъ у Пушкина слѣдствіемъ вліянія на него его кружка; но онъ же первый и опустилъ оружіе, какъ скоро ознакомился съ понятіями князя Шаховскаго, о чемъ скажемъ ниже.

Послѣ приведенной нами сатиры читаемъ о восторженномъ чувствѣ Пушкина къ сестрѣ его товарища [2]) по Лицею К. П. Бакуниной[3]). Нѣсколько лѣтъ спустя Пушкинъ, вспоминая о Бакуниной, писалъ:

...Она внушала первый сонъ,
И мысль объ ней одушевляла
Безвѣстной лиры первый звонъ.

Найденный же нами подлинникъ говоритъ:

29 [Ноября].

Итакъ я щастливъ былъ и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался...
И гдѣ веселья быстрый день
Промчался летомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!

Я щастливъ былъ!... нѣтъ я вчера не былъ щастливъ; поутру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу, ее не видно было! наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ, сладкая минута! ..

Онъ пѣлъ любовь—но былъ печаленъ гласъ
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!

Жуковскій.

---

[1]) Хотя по словамъ кн. П. А. Вяземскаго Пушкинъ Озерова не любилъ, не видѣлъ въ немъ никакого дарованія и никакъ не хотѣлъ признать его романтикомъ.

[2]) Александръ Петровичъ Бакунинъ, бывшій офицеръ гвардіи, умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника.

[3]) Къ ней относятся стихотворенія Т. I стр. 94. „Къ живописцу", стр. 142 „Разлука", стр. 148 „Слезы" и 180 „К. П. Бакуниной".

Какъ она мила была! Какъ черное платье пристало къ милой Б(акуниной)!

Но я не видѣлъ ее 18 часовъ—ахъ!

Какое положенье, какая мука [1]). Но я былъ щастливъ 5 минутъ» [2]).

Подъ послѣдней строкой мы находимъ интересную замѣтку [3]) Пушкина, помѣченную 10 декабря, о его романѣ „Фатама" и о намѣреніи написать „ироическую поэму" Игорь и Ольга; но вмѣсто нихъ онъ выпустилъ эпиграмму на А. А. Шаховскаго, П. А. Шихматова (Ширинскаго) и А. С. Шишкова:

10 Декабря.

Вчера написалъ я третью главу, *Фатама или разумъ человѣческаго*: Право естественное [4]). Читалъ ее С. С. и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчи и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ *Жизнь Вольтера*.

Началъ я комедію—не знаю кончу ли ее.

Третьяго дня хотѣлъ я начать [5]) ироическую поэму: Игорь и Ольга [6]) а написалъ эпиграмму на Шах, Шиш—м; и Шишк;—вотъ она:

Угрюмыхъ тройка есть цѣвцовъ,
Шихм, Шах, Шиш—овъ,
Уму есть тройка супостатовъ,
Шиш... нашъ Шах, Шихм—атовъ
Но кто глупѣй изъ тройки злой?
Шиш, Шихм, Шах—ой!

Не только ранѣе, но и въ этой замѣткѣ Пушкина ясно проглядываетъ стремленіе его къ литературной дѣятельности. „Нѣкоторые его товарищи", говоритъ Анненковъ, „еще помнятъ содержаніе романа Фатама, на-

---

[1]) Эти двѣ строки въ печать не вошли.

[2]) Соч. Пушкина V, 3.

[3]) На оборотѣ 3-го листа найденной рукописи помѣчено 10 Декабря.

[4]) Въ изданіяхъ же сочиненій Пушкина написано: „Разумъ человѣческій, читалъ ее С. С.".

[5]) Въ печати: „написать".

[6]) Соч. Пушк. V, 2.

писаннаго по образцу сказокъ Вольтера. Дѣло шло о двухъ старикахъ, молившихъ небо даровать имъ сына, жизнь котораго была бы исполнена всѣхъ возможныхъ благъ. Добрая фея возвѣщаетъ имъ, что у нихъ родится сынъ который въ самый день рожденія достигнетъ возмужалости, и вслѣдъ за тѣмъ почестей, богатства и славы. Старики радуются; но фея полагаетъ условіе, говоря, что естественный порядокъ вещей можетъ быть нарушенъ, но не уничтоженъ совершенно: волшебный сынъ ихъ съ годами будетъ терять свои блага и нисходить къ прежнему своему состоянію, переживая вмѣстѣ съ тѣмъ года юношества, отрочества и младенчества до тѣхъ поръ, пока снова очутится въ рукахъ ихъ безпомощнымъ ребенокомъ. Моральная сторона сказки состояла въ томъ, что измѣненіе натуральнаго хода вещей никогда не можетъ быть къ лучшему"[1]).

О начатой Пушкинымъ комедіи (?) и поэмѣ „Фатама" никакихъ слѣдовъ въ изданіяхъ сочиненій Пушкина не осталось, такъ какъ эти произведенія, по словамъ Анненкова *же*, Пушкинымъ были уничтожены.

Послѣ не вошедшей въ печать эпиграммы на Шаховскаго, Шихматова и Шишкова, слѣдуетъ „Картина Царскаго Села", которая могла бы служить продолженіемъ пьесы „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ".

Лѣтомъ напишу я *Картину Царскаго Села.*

1) Картина сада.

2) Дворецъ — *День въ Ц. С.*

3) Утреннее гулянье.

4) Полуденное гулянье.

5) Вечернее гулянье.

6) *Жители Царскаго Села.*

Вотъ главные предметы вседневныхъ моихъ записокъ[2]). Но это еще *будущее*[3]).

Ниже этой програмы идутъ одинъ за другимъ куплеты[4]) ученика съ

---

[1]) П. В. Анненковъ „А. С. Пушкина. Мат. для его біографіи", стр. 22.

[2]) Въ печати „занятій".

[3]) Соч. Пушкина, V, 2. Что подъ этими строками разумѣлъ Пушкинъ? Еесли здѣсь онъ говоритъ о „Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ", произведшихъ много шуму въ Петербургѣ, то приведенныя нами записки Пушкина должны быть отнесены къ 1814 г., такъ какъ это стихотвореніе читалось въ Лицеѣ на экзаменахъ 4 Января 1815 г., но такое предположеніе опровергается другой запиской Пушкина „Мои мысли о Шаховскомъ", гдѣ Пушкинъ говоритъ о „Липецкихъ водахъ", о которыхъ появилась критика въ „Сынѣ Отечества" въ Ноябрѣ 1815 г.

[4]) За исключеніемъ 12 строкъ. См. А. С. Пушкинъ, Мат. П. В. Анненковъ, стр. 23.

любимыми словами товарищей, окружавшихъ Пушкина". Но, говоритъ Анненковъ, въ печать они не вошли[1]), такъ какъ значеніе и соль этихъ куплетовъ совершенно пропали"; однако они любопытны, какъ обрисовывающіе картинку изъ школьной жизни Пушкина въ кругу товарищей, среди которыхъ онъ вращался.

Вчера не тушили свѣчекъ за то пѣли куплеты на голосъ: бери себѣ повѣсу.—Запишу сколько могу упомнить:

На Георг[іевскаго]
Предположивъ - и дальше
На грацію намекъ
Нусъ — Авгусинъ богословъ {Или. Надъ печкою Богословъ
Профессора Бутервекъ {А въ печкѣ Бутервекъ.
Потомъ Ніобы группа
Корреджіевъ тьма— свѣтъ.
Прелестна Граціозность
И щастливъ онъ поэтъ.

На Кайд[анова].
Потише животины!
Да долголь говорю?
Потише—Бомгольмъ, Борнгольмъ,
Еще разъ повторю.

На Карц[ева.]
Какіе жъ вы лѣнивцы
Ну на кого напасть?
Да нутека Вольховскій,
Вы ересь понесли.
А что читаетъ Пушкинъ?
Подайтека сюды!
Ступай изъ класса съ Богомъ,
Назадъ не приходи.
А слышали ль вы новость?
Нашъ докторъ сталъ лѣнивъ или ревнивъ

---

[1]) На 4-мъ листѣ найденной рукописи, съ переносомъ на 5-ю.

Драгуна посылаетъ } и Графъ послалъ
Что бъ отпереть жену } драгуна.
А Камаражъ взбѣсился,
Романа обокралъ
А Фридебургъ свалился
А Графъ захохоталъ.
Нашъ Докторъ хромоглазой
Въ банкъ выигралъ вчера
А слѣдственно гоняетъ
Онъ лошадей съ утра.

На Шумахера.

Скажите мнѣ шастицы
Какъ напримѣръ: wenn so
Geweniger und desto
Die Sonne cheint also.

На Гакена.

Мольшать! я самъ фидала
Мальшать! я Гуфернеръ.
Мольшать!—ты самъ софрала,
Пошалуюсь теперь.

На Вла[диславова].

Матвѣюшка! дай соли,
Нѣтъ моченьки, мой свѣтъ (братъ нѣтъ).
Служилъ я Государю
Одиннадцать ужъ лѣтъ.

На Лав.

Bonjour Messieurs—потише!
Поводьемъ не играй!
Ужъ я тебя потѣшу
Aquandl' Equitation

На Ви[льма]

Лишь для безумцевъ, Зульма,
Вино запрещено,
А Вильмужкѣ поэту } А не даны поэту
Стихи писать грѣшно } Ни геній, ни вино.

На Заб. и Петр.

Какой столичный городъ
Желательно бы знать?
А что такое воротъ
Извольте мнѣ сказать?

На Ик[онникова].

Скажите: разъ, два, три,
Тутъ скажутъ всѣ скоты:
Да гдѣ жъ ее взрасти?
Да на святой Руси!

На Кун[ицына].

Извѣстенъ третій способъ
Черезъ окупщиковъ
Въ семъ случаѣ помѣщикъ
Владѣлецъ лишь земли.

Послѣ этихъ куплетовъ мы видимъ передъ собою первый опытъ Пушкина обрисовать характеръ.

17 [Декабря].

Вчера провелъ я вечеръ съ Ик[онниковымъ].

Хотите-ли*) видѣть страшнаго человѣка, чудака,—посмотрите на Ик.—поступки его—поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату; видите высокаго худого человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шеей окутанной черн*омъ* изорванн*омъ* платкомъ. Лицо блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны; онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюхаетъ табакъ изъ коробочки,—онъ дико смотритъ на васъ—вы ему близко знакомый, вы ему родственникъ или другъ—онъ васъ не узнаетъ—вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушеннымъ голосомъ, кланяется,—садится, начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ—передним ъ нимъ карафинъ воды, онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ наливаетъ другой, третій, четвертый,—спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говоритъ о своемъ бѣдномъ

*) Въ печати „Вы“.

положенія—онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства—ходитъ пѣшкомъ изъ П[етербурга] въ Ц[арское] с[ело], что бы освѣдомиться о какомъ то мѣстѣ, которое обѣщалъ ему какой то шарлатанъ—онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ—разсыпается въ благодареньяхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодѣяніе ему оказанное—легкомысленъ до чрезвычайности, мнителенъ, чувствителенъ, честолюбивъ—Ик. имѣетъ дарованья, пишетъ изрядно стихи и любитъ поэзію; вы читаете ему свою пьесу—наотрѣзъ говоритъ онъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко—зато за самые посредственные стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ Геніемъ—иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимъ—его любятъ иногда смѣшитъ онъ часто, а жалокъ почти всегда[1]).

Послѣдняя лицейская записка Пушкина за 1815 г. представляетъ собою критическую замѣтку о сочиненіяхъ князя Шаховскаго [2]). Большая часть ея въ печать не вошла:

Мои мысли о Шаховскомъ.

Шах—никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ.—Шах—не имѣетъ большова вкуса онъ худой писатель—Чтожъ онъ такой?[3]) не глуп*ой* человѣкъ,—который замѣчая все смѣшное и замысловатое въ обществахъ (другихъ) пришедъ домой все записываетъ и потомъ какъ ни попало вклеивать въ свои комедіи[4]).

Онъ написалъ *Новаго Стерна* холодный пасквиль на Карамзина.

Онъ написалъ водевилъ *Ломоносовъ*: представилъ отца русской поэзіи въ кабакѣ, и заставилъ его

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, V, 3—4. Здѣсь встрѣчается вопросъ, который рѣшать не беремся: найденныя нами рукописи мы относимъ къ 1815 г.; издатели же сочиненій Пушкина—къ 1816 г.; между тѣмъ въ „Памятной книжкѣ Александровскаго лицѣя за 1886 г. стр. 33, указанъ гувернеръ Иконниковъ служащимъ въ Лицеѣ 1811—1812 г., а Пушкинъ въ своей замѣткѣ говоритъ: „Вчера провелъ я вечеръ съ Иконниковымъ...“ Въ какомъ же именно году?

[2]) 7-ой листъ рукописи.

[3]) Въ печати „такое“.

[4]) Соч. Пушкина. V, 2.

нѣмцамъ говорить дерзкія свои стихи и растянулъ на три дѣйствія двѣ или три занимательныя сцены.

Онъ написалъ *Казакъ* стихотворецъ въ немъ есть щастливые *слова*, пѣсни замысловатыя—но нѣтъ даже и тѣни ни завязки. ни развязки.—*Маруся* занимаетъ, всѣ прочія холодны и скучны.

Не говорю о Встрѣчѣ незванныхъ—пустомъ представленьи, безъ малѣйшаго искусства или занимательности.

Онъ написалъ поэму *Шубы и всѣ дрожатъ*

Наконецъ онъ написалъ *Кокетку*.

И наконецъ написалъ онъ комедію—Хотя исполненную ошибокъ во всѣхъ родахъ, въ продолженіе 3 первыхъ дѣйствій холодную и скучную и безъ завязки, но все комедію.

Первыя ея явленія скучны. Князь Холмскій, лицо не дѣйствующее, усыпительный проповѣдникъ, надутый педантъ и въ Липецкъ пріѣзжаетъ только для того, чтобы пошептать на ухо своей теткѣ въ концѣ 5-го дѣйствія [1]).

Извѣстно, что Пушкинъ съ выходомъ въ свѣтъ его первыхъ произведеній уже принятъ былъ въ кружокъ „Арзамаса“ [2]), шедшаго противъ направленія „солиднаго“ Общества Бесѣды, извѣстнаго „своею важностью“, рутиной въ литературѣ и въ тоже время „особой торжественностью“ своихъ засѣданій! „Арзамасцы“ же отличались быстротой, бойкостью, остроуміемъ и мѣткостью своихъ сужденій и передавали строгой оцѣнкѣ и насмѣшкамъ произведенія членовъ „Бесѣды“, обращая при этомъ вниманіе на правильность выраженій, вѣрность образовъ и выборъ предметовъ. Вотъ почему и Пушкинъ, какъ членъ „Арзамаса“, критиковалъ труды князя Шаховскаго.

Но въ качествѣ критика, онъ старался быть справедливымъ, находясь подъ вліяніемъ П. К. Катенина, который въ томъ же году возилъ Пушкина къ князю Шаховскому.

---

[1] Приведенныя 7 листовъ записокъ Пушкина помѣчены цифрами 24: второй листъ не помѣченъ. на остальныхъ же листахъ цифры 25. 26. 27. 28 и 29.

[2]. Пушкинъ получилъ прозвище „Сверчокъ“ и подъ этимъ именемъ первый разъ появились въ Сынѣ Отечества его стихи „Мыслитель“ въ 1881.

II.

Въ 1824—1826 годахъ, живя въ уединеніи села Михайловскаго, опальный молодой поэтъ съ увлеченіемъ набрасывался на имѣвшіяся у него въ рукахъ книги Читалъ онъ обыкновенно съ карандашемъ или перомъ въ рукахъ, дѣлалъ на поляхъ книгъ летучія замѣтки, о болѣе же важныхъ сочиненіяхъ набрасывалъ на особыхъ лоскуткахъ или листкахъ цѣлыя критическія записки.

За это время онъ успѣлъ прочесть Римскую Исторію Тацита и въ письмѣ къ барону А. А. Дельвигу [1]) уже высказываетъ то убѣжденіе, къ которому приводилъ его историкъ: „чѣмъ болѣе читаю Тацита", говоритъ Пушкинъ, „тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности".

Въ запискѣ же (черновой) о народномъ воспитаніи, представленной императору Николаю Павловичу, онъ считаетъ Тацита „великимъ сатирическимъ писателемъ впрочемъ... исполненнымъ Латинскихъ предразсудковъ" [2]).

§ 1.

[I] Тиберій былъ въ Имперіи когда получилъ извѣстіе (объ смерти) о болѣзни престарѣлаго Августа. Неизвѣстно—засталъ ли онъ его въ живыхъ. Первое злодѣяніе его [3]) (замѣчаетъ Т[аци]тъ]) было умерщвленіе Постумы[4]) Агрипины, внука Августова; если въ самодержавномъ правленіи убійство [5]) можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агр[иппа] родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума Таковые люди [6]), всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно гов[оритъ] Т[ацитъ], Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно Ливія, но и Тиберій не пощадилъ бы его.

[II] Когда сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія—Тиберій позволилъ сіе съ *насмѣшливой скром-*

[1]) Соч. А. С. Пушкина. VII, 140.

[2]) Тамъ же, V, 47.

[3]) Въ печати „его злодѣяніе".

[4]) Въ печати „Постума".

[5]) Въ печати „убійство политическое."

[6]) Въ печати „лица".

ностью. Тиб[ерій] никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притворялся иногда будто бы негодовалъ на оную, но и сіе уже въ послѣдствіи.

Въ началѣ [1]) же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ казался [2]) онъ запутаннымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ сенату.

[III] Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунства точно ли въ насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ собою хвалилъ [3]) наружность и нравы своего пасынка и наслѣдника. Въ своемъ завѣщаніи (могъ ли точно ли) онъ изъ единой ли зависти совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простирающейся (заключавшейся) тогда отъ —до—?

[IV] 52. Тиб[ерій] не могъ доволенъ быть [4]) Германикомъ, оказавшимъ много слабости въ погашеніи бунта легіоновъ. Германикъ соглашается на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ (даетъ имъ отставку) время службы, допущаетъ [5]) самовольныя казни, даже междоусобную битву. Блестящія пораженія непріятеля при Марсорскихъ селеніяхъ не заглаживаютъ столько [6]) явныхъ ошибокъ.

Тиб[ерій] въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть риторическими украшеніями [7]), меньше хвалилъ [8]) Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Щастливыя обстоятельства благопріятствовали Друзу, но сей оказалъ и много (болѣе) благоразумія, не склонился на требованія мятежниковъ, самъ казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водворяетъ [9]) порядокъ.

[V] 35. Германикъ тщетно стараясь усмирить бунтъ легіоновъ, (обнажилъ мечь и) хотѣлъ заколоться въ глазахъ во-

---

[1]) Въ печати „Вначалѣ“.

[2]) Въ Печати „кажется“.

[3]) Въ печати „онъ“.

[4]) Въ печати „быть доволенъ“.

[5]) Въ печати „допускаетъ“.

[6]) Въ печати „столь“.

[7]) Зачеркнуто слово, которое нельзя разобрать.

[8]) Въ печати „онъ“.

[9]) Въ печати „водворилъ“.

иновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подалъ ему свой мечъ говоря: *онъ востръе.* Это показалось (гов. Т.) слишкомъ злобно и жестоко самымъ простымъ мятежникамъ. По нашимъ понятіямъ слово сіе было бы только грубая насмѣшка но самоубійство такъ же было обыкновенно въ древности, какъ поединокъ въ наши времена. Врядъ ли могъ Британикъ отказаться отъ сего предложенія, когда бы прочіе не воспротивились. (Мы видимъ что).

Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться. Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди. (Не въ силахъ будучи рѣшиться). Мать [1]) ее не удерживаетъ. [2]). Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ, рѣшившейся послѣдовать за нимъ (Неронъ) и проч. Предложеніе воина есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.

[VI.] 53. Юлія, дочь Августа, славная своимъ распутствомъ и[3]) ссылкой Овидія, умираетъ въ изгнаніи[4]), въ нищетѣ, м[ожетъ] б[ыть], но не отъ нищеты[5]) и голодая, какъ пишетъ Тац[итъ]. (Невѣроятно). Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ[6]).

[VII.] Тиберій отказывается отъ управленія государства, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложатъ.

Сквозь раболѣпства Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предпріимчивость, негодуетъ на Скавра, нападаетъ на Готерія[7]) который подвергается опасности быть убиту воинами и спасенъ просьбами Августа и Ливіи [8]).

Т[иберій] не допускаетъ, что бы Ливія имѣла много почестей и вліянія, - не отъ [9]) *зависти*, какъ думаетъ Тацитъ:

---

[1]) Въ печати „груди и мать".

[2]) Въ печати „не останавливаетъ".

[3]) Въ печати „извѣстная ссылкой".

[4]) Въ печати „въ изгнаніи и въ нищетѣ".

[5]) Въ печати „нищенства".

[6]) Зачеркнуто слово, которое нельзя разобрать.

[7]) Въ печати „Гонорія".

[8]) Въ печати „они спасены просьбами Августа и Ливіи".

[9]) Въ печати „не изъ".

ію[1]) увеличиваетъ, вопреки мнѣнію Сената, число преторовъ, установленное Августомъ (12).

[VIII]. Первое дѣйствіе Тиб[еріевой] власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ.—слѣдств[енно] и довершеніе уничтоженія [2]) республики. Народъ ропщетъ, Сенатъ охотно соглашается.—(Тѣнь правленія перенесена въ Сенатъ). –

Сличая приведенныя здѣсь толкованія на Тацита съ вошедшими въ изданія сочиненій Пушкина „Замѣчаніями на Анналы Тацита“ [3]) и провѣривъ эти толкованія съ „Матеріалами“ Анненкова, т. е. съ имѣвшимися у него выписками, которыя заключаются „въ нѣсколькихъ отрывочныхъ запискахъ“ объ императорѣ Тиберіѣ [4]), находимъ смѣшеніе рукописей: издатели, не признавая нужнымъ сдѣлать въ примѣчаніяхъ какія-либо объясненія, приводятъ читателя къ невозможности рѣшить вопросъ, сгруппированы ли ими самостоятельно въ „замѣчаніяхъ“ разныя отрывочныя свѣдѣнія о Тиберіѣ, или напротивъ, они какъ бы переданы съ одной рукописи. Въ сочиненіяхъ Пушкина, изданныхъ Литературнымъ Фондомъ, говорится только, что „первыя 9 замѣтокъ о Тацитѣ даны Анненковымъ въ его „Матеріалахъ“, послѣдняя же заключается въ рукописи Румянцевскаго Музея. Между тѣмъ Анненковъ указываетъ только главы IV, V и VI и приводитъ ихъ, какъ примѣръ „способа веденія исторической полемики“ Пушкинымъ, воспользовавшись для этого „нѣсколькими толкованіями“ и разными „отрывками“ его записокъ. Теперь же становится яснымъ, что приведенныя замѣтки Пушкина о Тиберіѣ представляютъ собою одно цѣлое и заключаются въ 8 главахъ. Девятая замѣтка, касающаяся Вибія Серена, внесенная Анненковымъ, въ видѣ примѣра одного изъ отрывковъ о пониманіи Пушкинымъ Тиберія, а издателями сочиненій Пушкина вставленная въ „Замѣчанія на Анналы Тацита“, извлечена изъ письма Александра Сергѣевича къ барону А. А. Дельвигу, помѣченнаго „изъ с. Михайловскаго 25 Іюня 1825 г“ [5]), и заключаетъ въ себѣ кос-

[1]) Въ печати „онъ не увеличиваетъ“.

[2]) Въ печати „совершенное уничтоженіе“.

[3]) Соч. Пушкина V, 33—35.

[4]) А. С. Пушкинъ. Матер. для его біогр. 161. Соч. А. С. Пушкина. 1, 170—172.

[5]) Соч. Пушкина. VII. 140. „Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ осужденъ Римскимъ Сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойны ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!“.

венное изображеніе собственной судьбы поэта, какъ высланнаго изъ Петербурга въ отдаленный край Имперіи.

Любопытно знать, имѣетъ ли связь 10-я замѣтка Пушкина, говорящая о Тиберіи и Наполеонѣ, съ найденной нами рукописью [1]), т. е. не служитъ ли она продолженіемъ этой рукописи, и какими источниками воспользовались издатели сочиненій Пушкина, цитируя 1, 2, 3, 7 и 8 главы о Тиберіѣ при ссылкѣ на „Матеріалы" Анненкова, гдѣ вовсѣ таковыхъ не встрѣчаемъ.

III.

Лѣто 1826 г, было знойное, палящія лучи солнца отнимали энергію къ труду; но въ душѣ поэта таилось предчувствіе, что скоро наступятъ дни свободы; эти лучи надежды придавали ему силу и бодрость. Кромѣ занятій „Евгеніемъ Онѣгинымъ" и „Борисомъ Годуновымъ", онъ посвящалъ время и для созданія другихъ произведеній. Такъ, изъ письма къ барону Дельвигу мы узнаемъ, что Пушкинъ отправилъ къ нему, кромѣ отрывокъ изъ „Онѣгина" и „Бориса Годунова", еще давно обѣщанную „элегію", для напечатанія въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" [2]). Помѣчена эта элегія „29 Іюля" и входитъ въ кругъ произведеній, имѣющихъ между собою общесвязующимъ звѣномъ сердечныя воспоминанія прошлаго. Мы говоримъ про пьесы: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты" (элегія 1823 г.), „Ненастный день потухъ ненастной ночи мгла" (1823 г), „Ночь" (1823 г.), „Заклинаніе" (1830 г.) и „Для береговъ страны далекой" (1830 г.).

Найденная нами рукопись элегія „Подъ небомъ голубымъ страны, страны своей родной", читается такъ [3]):

29 Іюля 1826 г.

Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей

---

[1]) Найденныя нами рукописи заключаются въ трехъ четверткахъ листа сѣроватой бумаги, слегка пожелтѣвшихъ и сложенныхъ пополамъ. Написаны они перомъ, но строки чрезвычайно блѣдны, какъ выцвѣтшія отъ времени, и помѣчены въ III-мъ Отдѣленіи цифрами: 60, 62 и 61. Цифры 52, 35 и 53, по всѣмъ вѣроятіямъ, обозначаютъ страницы книги Тацита.

[2]) Соч. А. С. Пушкина, VII, 194.

[3]) Элегія эта написана чрезвычайно блѣдными чернилами на четверткѣ листа сѣроватаго цвѣта, пожелтѣвшей отъ времени; помѣчена цифрой 48; на оборотѣ того листа Пушкинъ написалъ карандашомъ перечень своихъ драматическихъ произведеній, а именно: „Скупой". „Ромулъ и Ремъ", „Моцартъ и Сальери", „Донъ-Жуанъ", „Іисусъ", „Беральдъ Савойскій", „Павелъ І-й", „Влюбленный Бѣсъ", „Дмитрій и Марта", „Курбскій". Эти же заглавія, для ясности, переписаны Анненковымъ, такъ какъ написаное Пушкинымъ едва возможно разобрать.

Она томилась, увядала;
Увяла наконецъ; и вѣрно (быть можетъ) надо́ мной
Младая тѣнь уже летала.
Но недоступная черта межъ нами есть,
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я бурною душою
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою пламенной томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ мука, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей
Для бѣдной (милой) легковѣрной тѣни.
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней,
Не нахожу ни слезъ, ни пени.
29 Іюля 1826 г.
Усл. о см. 25
У. о с. Р. П. М. К. Б. 24.

Относительно приведенной элегіи Анненковъ говоритъ: „пьеса эта замѣчательна тѣмъ, что первый стихъ ея читается въ рукописи „Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей". Это былъ, такъ сказать, настоящій стихъ, ближе выражавшій самую мысль поэта, но онъ не имѣлъ риѳмы въ соотвѣтствующемъ ему третьемъ стихѣ, почему и перемѣненъ на тотъ, который теперь стоитъ въ началѣ пьесы".

Помѣтки слѣдуетъ читать: „услышалъ о смерти 25 (Іюля 1826 г., г. Ризничъ)". „Услышалъ о смерти Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева 24 Іюля." Они казнены 13-го. Въ другой замѣткѣ эти заглавныя буквы сопровождаются припиской: „Видѣлъ во снѣ".

Около того же времени Пушкинъ два раза набросалъ среди своихъ черновыхъ стихотвореній рисунокъ, который мы находимъ во многихъ изданіяхъ его сочиненій. Изображаетъ онъ крѣпостной валъ, ворота и висѣлицу съ пятью повѣшанными, приписавъ въ первый разъ: „И я бы...." и во второй: „И я могъ тутъ на ..." *).

---

*) Соч. А. С. Пушкина, II, 2,

IV.

Въ Августѣ 1830 г. Пушкинъ отправился изъ Петербурга черезъ Москву въ родовое имѣніе своего отца, село Болдино. Говоръ о холерѣ, появившейся тогда въ Россіи впервыя, наводилъ всеообщее уныніе и страхъ. Пріѣхавъ въ деревню, Пушкинъ очутился отрѣзаннымъ отъ міра; его отдѣлилъ отъ Нижняго и столицы карантинъ. Отъ этого времени сохранилась замѣтка Пушкина, подлинникъ которой написанъ карандашемъ, на сложенныхъ пополамъ трехъ полулисткахъ сѣроватаго цвѣта, пожелтѣвшихъ отъ времени, одинъ полулистъ съ золотымъ обрѣзомъ; мѣстами строки стерлись, и ихъ едва возможно разобрать; помѣчены же они цифрами: 2, 3, 4, 5, 6 и 7.

Въ концѣ 1826 г. я часто видался съ однимъ дерптскимъ студентомъ—(нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои Нѣмецкія книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнѣдую лошадь и Польскія грязи (настоящую войну).—Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцевать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ Онъ имѣлъ обо всѣмъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: холера—morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ. (Надобно вамъ знать, что).

О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 г. старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой (страшной) болѣзни. Я (заставилъ) сталъ его расспрашивать, студентъ объяснилъ мнѣ [1]), что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей, но и животныхъ, но и самыя растенія, что она желтой (черной) [2]) полосой стелется вверхъ по теченію рѣкъ,—что по мнѣнію нѣкоторыхъ, она зарождается отъ гнилыхъ плодовъ—и прочее—все, чему послѣ мы успѣли наслыхаться.

---

[1]) Нѣсколько безсвязныхъ словъ зачеркнуто.

[2]) Въ печати „желѣзной полосой“.

Такимъ образомъ въ дальнемъ уѣздѣ [Псковской] губерніи молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга вѣроятно одни во всей Россіи бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ 5 лѣтъ сдѣлалось мыслію всей Европы. (Какъ послѣ того не полюбить университетскаго ученія).

Спустя (черезъ) 5 лѣтъ я былъ въ Москвѣ; домашнія обстоятельства требовали непремѣннаго моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ В[яземскій] показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное (изъ тамошняго края. Саратовской): ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астраханской[1]) г. въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской--(о Москвѣ мы еще не безпокоились)—. Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіятцами.

(Въ Азіи мусульмане).

Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности, а въ моемъ воображеніи холера относилась къ чумѣ (въ сравненіи съ чумой), какъ элегія къ (эпической) диѳирамбу.—Пріятели у коихъ дѣла были въ порядкѣ—(или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно) , упрекали [2]) меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бѣдная ярманка! Она бѣжала, какъ пойманная воровка, разбросавъ половину [3]) своихъ товаровъ, не успѣвъ перещитать свои барыши!

Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ можетъ быть случалось вамъ ѣхать на поединокъ съ досадой и большой неохотой.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантины (народъ ропщетъ не понимая строгой необходимости и предпочитая

---

[1]) Въ печати „Астрахани“

[2]) Два слова зачеркнуты: не разборчиво.

[3]) Въ печати „въ половину свои товары“

зло неизвѣстности и загадочное-непревычному своему стѣсненію, мятежи вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ нелѣпые). Я занялся моими дѣлами перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ѣздя по сосѣдамъ.

Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и безпокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 Октября) я получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ. (Я попался въ западню, какъ-то мнѣ будетъ вырваться на волю). Страхъ меня пронялъ — въ Москвѣ.... но объ этомъ когда нибудь послѣ. Я тотчасъ собрался въ дорогу и (выѣхалъ) поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ ямщикъ мой останавливается: застава! Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ распрашивать ихъ (вывѣдать о карантинѣ о начальникѣ) ни они, ни я хорошенько не понимали зачѣмъ они стояли тутъ съ дубинами и съ повелѣніемъ никого не пускать[1]). Я доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня такъ завтра на него наѣду, и (вынести положенный срокъ) въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

Нѣтъ сомнѣній, что записка эта касается той именно поѣздки изъ Болдина въ Москву, которая не увѣнчалась успѣхомъ, т. е. Пушкинъ возвратился въ деревню. Подтвержденіемъ сказаннаго служатъ нѣкоторыя его письма[2]), а также, между прочимъ, и замѣчательное его стихотвореніе „Герой“[3]); всѣ онѣ помѣчены „д. Болдино“ — „Октябрь“, „Ноябрь“ и „Декабрь“; въ Нижнемъ же онъ былъ до закрытія ярмарки, оттуда не пропустилъ его въ Москву карантинъ. Далѣе въ этой замѣткѣ бросается въ глаза указаніе годовъ. Пушкинъ пишетъ *„въ концѣ 1826 г.* я часто видался съ однимъ Дерптскимъ студентомъ“ и мы съ нимъ разсуждали тогда о холерѣ; *„и бесѣдовали мы о такомъ бѣдствіи, которое черезъ пять лѣтъ,* сдѣлалось мыслію всей Европы.“ „Спустя 5 лѣтъ,“ продолжаетъ онъ, „я

[1]) Въ печати „П.“

[2]) Первое письмо изъ Москвы 9 Декабря. Тамъ же, т. VII, стр. 251. № 261; последнее письмо изъ деревни 2 Декабря. т. VII. стр. 250 № 260.

[3]) Тамъ же, т. II. стр. 121.

былъ въ Москвѣ.“ Когда же пріѣхалъ Александръ Сергѣевичъ изъ Болдина въ Москву и когда писалъ онъ приведенную замѣтку?

Онъ пріѣхалъ въ Декабрѣ 1830 г., когда холера уже гуляла по разнымъ губерніямъ, но описаніе хода эпидеміи, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, конечно не было извѣстно публикѣ.

Пріѣхавъ въ Москву, Пушкинъ не могъ свободно располагать собою, такъ какъ оставалось не много времени до свадьбы, и онъ за эти мѣсяцы почти ничего не писалъ. Холера же тогда достигла своего полнаго развитія и сообщенія о такомъ бѣдствіи пришли изъ отдаленнѣйшихъ угловъ Россіи; для медицины и печати были ясны разнообразнѣйшіе фазисы холеры, о ней разсуждали во всѣхъ слояхъ общества, тогда она уже „сдѣлалась мыслію всей Европы“ Это былъ 1831 г. Противъ такого заключенія врядъ ли возможно спорить; между тѣмъ, издатели сочиненій Пушкина произвольно замѣнили на запискѣ Пушкина 1826-й годъ 1825-мъ, хотя и говорятъ, что эта замѣтка о холерѣ написана, по всѣмъ вѣроятіямъ, позднѣе 1831 г.; Анненковъ же въ своихъ „Матеріалахъ“ относитъ эту замѣтку къ концу 1830 г, имѣя въ виду, что она касается описанія того времени, не замѣняя 1826 года другой цифрой.

Д. Сапожниковъ.

2.50
35/IV 72

PG 3341 .S32
C.1
Vnov' naidennyia rukopisi A. S
Stanford University Libraries
3 6105 036 876 352
PG
3791
S32
DATE DUE
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

